

ОТНОШЕНИЕ К ПРАВОСЛАВИЮ ВЫСШИХ СОСЛОВИЙ РУССКОГО ОБЩЕСТВА ТУРКЕСТАНА

Е.Е. Озмитель

Описываются религиозная жизнь и нравственное состояние военных, статских и других образованных страт русского общества Туркестана, исследуется их отношение к уставам и нормам Русской православной церкви и роль в развитии православной культуры на территории Киргизии.

Ключевые слова: история культуры Киргизии и Туркестана; Русская православная культура; религиозная жизнь; секуляризация.

Городская среда, в которой сосредоточивались все высшие сословия Туркестана (за редчайшим исключением здесь не было поместий), формировала свою социокультурную общность, которой были присущи отчетливо выраженные отличия в культурно-бытовых традициях и менталитете, более разнообразные, чем в деревне, формы воцерковленной повседневности. Несмотря на то что дворянская культура и интеллигенция всегда нахо-

дились в центре внимания историков, их религиозная жизнь остается до сих пор слабоизученной. А между тем, именно город с начала XX века становился центром социальных и политических преобразований и религиозного модернизма. От образованных страт во многом зависело самосознание русской культуры и вектор ее развития.

Отзывы современников о религиозно-нравственном состоянии высших сословий

русского общества Туркестана с самого начала освоения края до конца имперского периода были преимущественно отрицательными. И светские, и церковные источники единодушны в том, что в массе своей русское образованное городское общество мало соответствовало тем задачам, которые выдвигала сложнейшая политическая и социокультурная ситуация Средней Азии. Объяснений этому находили множество. Самое распространенное – “жаркий Туркестан, неблагоприятный для чиновничества в материальном аспекте и удаленный от культурных центров, воспринимался в русском обществе как место ссылки. В Ташкент посылались “непокорные дети” своими отцами на исправление, проштрафившиеся на службе гражданские чиновники и офицеры. Долги по векселям, семейные неурядицы, общественный ostrакизм также становились причинами переезда” [1: с. 164].

М. Путинцев, наблюдавший начало русской колонизации Туркестана, замечает, что и военные чины, и гражданские чиновники здесь – “суть народ пришлый, собирающийся с разных концов необъятной России ..., а в далеких окраинах распущенность жизни русского, по преимуществу кочевого, бесхозяйного населения, доходит почти всегда до крайних пределов” [2, с. 5]. К.П. фон-Кауфман говорил даже о необходимости каких-то особенных качеств, чтобы суметь сохранить в Туркестане честь и достоинство: “Кто здесь долго жил, тот или спивался, или женился на случайной женщине; если же холостой человек удерживался ..., то это значило, что он был человек с характером” [3, с. 5].

Очевидно, что здесь мы сталкиваемся не столько с историческим, сколько с психологическим феноменом. Характеристики высших слоев русского Туркестана остаются весь интересующий нас период такими же, как и у М. Путинцева, то есть, они почти не меняются. В одном из самых ранних архиерейских отчетов читаем: “В первой и высшей половине христианского населения в обеих областях [Сыр-Дарьинской и Семиреченской – *Е.О.*] очень заметно особенное стремление к забавам и увеселениям, состоящим в безмерном и учащенном кутеже, которому придается напыльное чиновное молодечество, и который, быстро переходя в открытое пьянство, заливающее и ум, и совесть, и честь, благородство, нередко оканчивающееся страшным сумасшествием и сумасбродством [...], в одном Верном при мне уже было едва ли не до 10 самоубийств” [4; л. 25об].

Епископ Димитрий, управлявший епархией в начале XX века, как будто продолжает

отчет епископа Софонии: “С проведением железных дорог и развитием торговли и промышленности в городах Туркестана ... русские города разрослись ... появились разные учебные заведения, общественные и благотворительные учреждения, водопроводы, освещение Но религиозно-нравственная жизнь православного населения и теперь не улучшилась, и теперь продолжает служить соблазном для покоренных мусульман, оказывая и на них свое развращающее влияние. Если прибавить к этому ярко проявившееся в революционные годы отрицательное отношение к религии со стороны большинства городской интеллигенции и усилившуюся пропаганду неверия и социализма среди рабочего класса, то будет понятно, какого внимания со стороны пастырей, каких трудов и сил требует городская паства” [5, с. 83].

Особенную вольность проявляли высшие воинские чины в отношении к Церкви. Генерал-губернаторы Туркестана постоянно подчеркивали свою независимость от туркестанских архиереев. Начальственное отношение к полковым священникам, желание полностью распоряжаться не только их временем, но даже и назначениями, и богослужебной практикой были частым явлением для Туркестана. Военное начальство, пишет о. Михаил (Путинцев), “по своему усмотрению переводило священников с места на место, представляло их к наградам и т.п., даже не спрашивая на то согласия преосвященных. [...] Начальство] требовало от духовенства не только в военное, но и в мирное время (и достигало) полного и беспрекословного повиновения всем приказам и веляниям не только высших генералов, но в укреплениях и отрядах даже простых воинских начальников, майоров, капитанов” [2, с. 15].

Самоуправство командиров нередко проявлялось “в предписаниях полковым священникам совершать браки без соблюдения формальностей, требуемых законом, – в приказании отправлять требы по полкам, расположенным по разным местам, без выдачи на это прогонов. Случалось, что полковое духовенство обращалось к обер-священнику армии и флота с жалобами на воинских начальников, которые делают частные многообразные, противозаконные предписания, оскорбительные не только для священного сана, но и всякого честного человека” [6, с. 230]. Здесь же можно вспомнить об игнорировании сырдарьинским воинским начальством просьб священника разрешить ему подготовить одного из солдат к причетнической деятельности, за-

прет на участие солдат в богослужении, требования сократить время богослужения [2, с. 16].

Жалобы священников и военачальников друг на друга были самым обычным делом для Туркестана. В отчете епископа Николая за 1895 год есть такие примеры: администрация требует от священников отчеты – на что израсходованы деньги, куда он отлучался; власти не помогают, когда нарушаются интересы священников со стороны переселенцев или киргизов, военное командование может назначить ктитора, когда есть староста [8, с. 46]. Епископ Николай, отмечая как характерную для военных чиновников черту – недостаток уважения к храму, – приводит такой пример. “Прапорщик, командовавший парадом, приказал раньше опустить низшим чином выходить из церкви. Те произвели такой шум, что священник прервал службу и стал разбираться с прапорщиком при всех” [8, 46 об].

Перечисленные выше случаи свидетельствуют о религиозном индифферентизме, очень распространенном в среде военного руководства Туркестана. К концу рассматриваемого периода обнаруживается не просто безразличное, но и резко критическое отношение к Церкви, к ее основным ценностям. В 1914 году на казачьем хуторе около Верного, благодаря чудесному сну монахини верненской Иверско-Серафимовской обители, была обнаружена икона Пресвятой Богородицы Скоропослушницы. В “Туркестанских ведомостях” за июнь 1914 года сообщалось, что “военные руководители потребовали от епископа проверить все обстоятельства неожиданно свершившегося “чуда”. Однако епископ Иннокентий не стал ничего проверять и организовал торжественное перенесение “чудотворной” иконы в Верненский кафедральный собор” [9, с. 76]. Для нас этот факт интересен не только как пример крайнего недоверия к церковной иерархии, но и как свидетельство сомнения в самом факте возможности чуда.

Перечисляя эти нередкие случаи из религиозной жизни русского Туркестана, не следует забывать, что все эти проблемы в отношениях высших российских сословий к Церкви и духовенству не были специфически среднеазиатскими. По словам Г. Флоровского, еще с петровских времен “благочестие” было отодвинуто в социальные низы, а разрыв между “интеллигенцией” и “народом” прошел именно в области веры. ... Православие, таким образом, осталось верой только “простого народа”, купцов, мещан и крестьян” [10, с. 504].

Секуляризация русской культуры началась с властных структур, с дворянского сословия, и к середине XIX века именно эти слои оказались затронуты ею больше всего. Особенностью Туркестана было то, что здесь было более свободное отношение к морали. Оставленные в центральных губерниях семьи и другие социальные связи освобождали “господ-ташкентцев” от многих условностей в поведении и обращении.

Отношения высших слоев русского Туркестана к Церкви осложнялись конфликтами между архиереями и краевым военным руководством. П.П. Литвинов приводит множество примеров неприязненных отношений туркестанских архиереев и генерал-губернаторов (фон-Кауфманна и Софонии, фон-Кауфманна и Аркадия, Духовского и Григория) [11, с. 16]. Однако есть и другие примеры. С генералом Колпаковским имели прекрасные отношения и епископ Софония, и епископ Александр, в деле строительства церкви владыка Димитрий активно сотрудничал с генералом Ивановым. На личном уровне проблема взаимоотношений светских и церковных властей Туркестана решалась по-разному.

Следует отметить также, что разложение нравственности и религиозный индифферентизм были в большей степени свойственны образованным жителям крупных городов Туркестана, краевых центров. Все приведенные выше отзывы касаются Верного, Ташкента, Ашхабада, в которых секуляризационные процессы протекали быстрее. Что касается небольших провинциальных городов Киргизии, образовавшихся из воинских укреплений, то здесь довольно долго в среде офицеров и чиновников сохранялись настоящие христианские добродетели: бескорыстие, терпение, неприхотливость в быту, взаимовыручка, дружелюбие, гостеприимство, любовное отношение друг к другу и к низшим чином, гуманное отношение к пленным, дружелюбное, сочувственное – к местным народам.

Очень ярко пишет о “товарищеской простоте отношений между людьми и привычках бесхитростного братства” Е. Марков, побывавший в Оше на рубеже XIX–XX веков: “...Здесь царствует какая-то добродушная коммуна в домашней жизни немногочисленного офицерского кружка, немножко, пожалуй, напоминающая братскую общину бывлой Запорожской сечи. Всякий свободно идет в квартиру товарища и без стеснения пользуется всем, что у него найдется Приезжают к кому-нибудь гости, – и все военное товарищество ... принимает участие в гостеприимстве ... И никому в голову не при-

дет отказать, когда есть налицо то, что требуется... Соврать в подобном случае, поскупишься в дележе с товарищем – величайший позор для туркестанского воина А когда все в известной степени принадлежит всем, когда никто не конфузится обнаруживать скудость своего домашнего быта, – никому, разумеется, не может прийти в голову чваниться перед другими своею обстановкою, щеголять красивой одеждой или удобствами жизни. Поэтому совершенная простота быта – здесь закон природы своего рода. Солдатская неразборчивость и нетребовательность воспитались здесь самою историею рядом с бесстрашием и удалством. Ничтожные кучки наших геройских воинов ... должны были в себе самих, в своем тесном братстве, в своем безмолвном терпении и скромности вкусов находить средства своего существования. Преследовалось всеми одно, главное, – победа над врагом, завоевание и усмирение края. ... Есть что поесть, – поедят, а нет, так подтянутся потуже ремешком, покурят трубочки и ждут удобного случая. Походы в азиатских степях не балуют человека, не делают из него сибарита... Поневоле упростишь все вкусы и станешь на все неразборчив. Эта простота и грубость быта вместе с железной выносливостью – характерная черта истаго туркестанца старого закала, каким мы знали его в Оше” [12, с. 98–99]. О “русском обществе” крепости Гульча из семи человек Е. Марков пишет: “чтобы жить целые годы здесь в такой тесной и постоянной компании..., нужно немало христианского терпения” [12, с. 140]. По мнению Е. Маркова, все эти качества, столь необходимые в суровых походных условиях Средней Азии, вообще были изначально свойственны туркестанским офицерам, а к концу XIX века обнаружилось у них уже только в отдаленных провинциальных городках, “в настоящем глухом уголке Туркестана, где еще живы предания старых туркестанских нравов и типы старых покорителей Туркестана” [12, с. 97].

Судя по намекам Е. Маркова на Запорожскую Сечь, и в ошской “братской общине” бывали кутежи, но очевидно также, что в приведенных выше размышлениях известного путешественника туркестанские нравы начала колонизации края категорично противопоставляются более поздним, столичным (ташкентским). Действительно, с такими “симпатичными” туркестанскими офицерами мы встречаемся у Б. Тагеева, подробно описавшего Памирский поход 1893–94 годов. Главное здесь – гуманное, деятельно-сочувственное отношение и к неспра-

ведливо осужденным сыновьям Курманджан-Датки [13, с. 24–25], и к больному погонщику лошадей, и к пленным афганцам [13, с. 37–39], и к солдатам, которых офицеры на труднейшем перевале по очереди усаживали на своих лошадях, а сами шли пешком [13, с. 40].

В истории православной культуры Киргизии есть также много примеров деятельного участия как военных, так и статских чинов в строительстве и благоустройстве церквей. “В деле постройки церквей надо отдать должное местным Генерал-Губернаторам В Сыр-Дарьинской области почти все храмы выстроены на средства, отпущенные начальниками края. Иначе шло дело в Семиречье. Семиреченская область всегда почему-то была нелюбимой дочерью высшей администрации, все ее нужды попирались, на ее вопли не обращалось никакого внимания” [14, 28]. В Семиречье были свои, местные, благодетели. “Генерал Колпаковский выстроил собственным иждивением в высылке Любонном ... благолепный и вместительный храм, снабдив его иконостасом, утварью и ризницей, а при храме и дом для священника со всеми службами” [4, л. 23об]. Он же в высылке Кошинском построил училище, а в церковь пожертвовал золоченый иконостас с иконами из Москвы [4, с. 24]. На территории Киргизии при активном участии генерала Колпаковского был создан Свято-Троицкий Иссык-Кульский монастырь.

Значительную помощь при строительстве большого и красивого Свято-Троицкого храма в Караколе оказал полковник Г.С. Петелин, получивший за это “титул” храмоздателя. А в лице начальника Ошского уезда полковника Алексеева, “как истинного христианина и уважаемого местным населением”, строительный комитет Ошского Свято-Архангельского собора “нашел главную опору”. По просьбе Алексеева город пожертвовал на строительство храма 51 дерево для стропил крыши, местные производители кирпича на 30% снизили цену [15, с. 2].

Имя коммерции советника Н.И. Иванова, богачейшего предпринимателя Туркестана, производилось с огромной благодарностью во многих городах и селах. На его пожертвования выстроено и украшено шесть храмов, в том числе и в Киргизии – Пишпекский Свято-Никольский собор, построена духовная семинария в Ташкенте.

Участие в “строительстве” православной культуры в Туркестане высших слоев заключалось также и в социальной, и в просветительской деятельности. В своих отчетах в Св. Синод епископ Софония писал не только об отрицательных

свойства городского образованного населения, но и о “благосердом сочувствии” высшего общества к иноверцам, вступающим в православие, о сочувствии к безродным и беспомощным сиротам. “Не одни кавалеры, но и дамы радушно и с полной готовностью берут на себя быть восприемниками всех, приемлющих святое крещение – евреев, киргизов, калмыков и иных” [4, л. 23 об]. В высшем обществе немало есть случаев, что “души христоролюбивые” берут осиротевших детей в “недра своих семейств и воспитывают одинаково со своими детьми” [4, л. 24 об]. Отчеты о деятельности Семиреченского православного братства и его преемника Туркестанского Казанско-Богородичного епархиального братства за многие годы существования этой организации накопили множество примеров активного участия представителей высших сословий в просветительской, миссионерской и благотворительной деятельности. Члены братства брали в свой дом на попечение сирот, оплачивали и организовывали их обучение, участвовали в жизни новокрещенных, жертвовали на благотворительность, читали лекции, организовывали разнообразные благотворительные акции, создавали общественные и частные библиотеки. О составе этих книжных собраний можно составить представление по дореволюционным изданиям, хранящимся в библиотеках Кыргызстана. Духовная литература здесь хотя и в небольшом количестве, но была очень разнообразной – от просветительских печатных “Троицких листков”, которые развешивались в общественных местах – на почте, в лавках, до рукописных и первопечатных раритетов. Н.А. Харченко перечисляет те из них, которые хранятся в Национальной библиотеке Кыргызстана. Это – фрагменты рукописных переводов Максима Грека, сочинений блаженного Иеронима, два издания “Апостола” Ивана Федорова из коллекции русского библиофила В. Крылова, другие памятники русской культуры XVI–XVIII веков: фрагменты Острожской Библии – Откровение Иоанна Богослова; Псалтирь и Новый Завет 1580 года издания, Новый завет и Псалтирь 1600 года виленской типографии Луки и Кузьмы Мамоничей, издания Московского печатного двора, Чернигова, Киево-Печорской лавры, большое количество книг, посвященных культуре России [16, с. 146–147]. Учитывая все исторические катаклизмы, которые непосредственно коснулись дореволюционных книжных собраний, логично предположить, что таких книг было гораздо больше. Раритеты в богослужении не использовались – эти книги из част-

ных и церковных собраний свидетельствуют о серьезном научном и духовном интересе образованных слоев русского общества Туркестана к богословию и к проблемам русской истории. Книги обеспечивали интеллектуальную связь социокультурной общности и в диахронном, и в синхронном разрезе, приобщая интеллигенцию к тысячелетнему опыту русской православной культуры.

Очевидно, что образованные страты русской православной культуры не являли собой нечто однородное, обнаруживая самое разное отношение к православию и его нравственному учению. Но преобладало формальное, прохладное отношение. Предреволюционная ситуация начала XX века и сама первая русская революция многих заставили сделать выбор между верой и атеизмом: либо встать на сторону Церкви, либо занять сторону ее противников. Если крестьянство, увлекаемое то проповедью священника, то речами пропагандиста, могло оставаться еще в среднем состоянии единой массой, то в сознательной части российского общества происходило более четкое размежевание интересов, вызывавшее отпадение от Церкви, а, значит, и от православной культуры.

“Единения руководителей прогресса с учителями святого учения Христа” пытался достичь епископ Димитрий. При нем просветительские мероприятия Казанско-Богородицкого братства собирали многотысячные аудитории, причем отмечалось, что “более половины слушателей – из культурного общества” [17, с. 615]. Как бы в противовес деятельности Казанско-Богородицкого братства в Верном “псевдо-европейцы” под руководством Э. Баума организовали “Общество ревнителей просвещения”, занимавшееся распространением нелегальной литературы – террористической, эсеровской и марксистской; они заводили подпольные рабочие кружки, где среди прочих “уроков просвещения” давалось руководство по устройству баррикад. В 1905 году в Пишпекке группа демократически настроенных интеллигентов под руководством социал-демократа И.А. Глебова пыталась открыть библиотеку-читальню [18, с. 78]. Конечно все, что понималось под просвещением в этой среде, прямо противоречило высокому нравственному учению христианской Церкви.

Социал-демократическая антиправительственная пропаганда начала XX века способствовала усилению антицерковных настроений во всем образованном обществе, которое теперь уже не считало нужным даже формальное, внешнее

исполнение церковных уставов. В годы первой русской революции Верненский родительский комитет при женской гимназии “частным образом обращался к местному Епископу за разрешением допустить танцы в гимназической церковной зале” [19, с. 198]. В 1909 году этот же родительский комитет в Великий пост организовал концерт Верненского музыкального общества с танцами до 2-х часов ночи”. В Асхабаде также во время Великого поста в “Велосипедном клубе” был устроен семейно-танцевальный вечер с участием балетной труппы [20, с. 198]. В 1916 году директор Пишпекской гимназии Юнгмейстер разрешил провести маскарад в актовом зале, где по праздникам совершается литургия, то есть, по сути дела, в гимназической церкви [21, с. 23]. Самое печальное для православной культуры было то, что такие кошунственные мероприятия проводились для образованной гимназической молодежи, от которой в будущем уже трудно было бы ожидать благоговейного отношения к святыне.

Все это свидетельство того, что оскудение веры среди простого народа, о котором не уставали писать в прессе и отчетах, ни в какое сравнение не шло с секуляризацией культуры высших сословий. “Гораздо печальнее это дело среди интеллигенции, – сетовал один священник. – Здесь наблюдается последний уклон от исполнения евангельских и церковных заповедей, развал семьи, пренебрежение к духовенству и стремление увлечь на этот путь и простой народ. Особенно все жалуются на местных переселенческих чиновников” [21, с. 63]. В этом же источнике приведены факты неблаговейного, непочтительного, а порой и кошунственного отношения к святыням, святым иконам.

Социал-демократическая, нигилистическая пропаганда, распространявшаяся в Туркестане и местной радикальной интеллигенцией, и из центра, приносила свои плоды. К концу рассматриваемого периода духовно-нравственный кризис глубоко затронул все слои русского образованного общества.

Литература

1. Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни. СПб., 1889.
2. Путинцев М., прот. “Вот каков наш Туркестанский юг: в комнате сидим в шубах!”: Воспоминания об архиепископе Софонии // Восток свыше. Ташкент, 2006. Вып. XII.
3. Остроумов Н. Константин Петрович фон-Кауфман устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877–1881). Ташкент, 1899.
4. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 502.
5. ЦГА КР. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1.
6. Павлов Н. История Туркестана. В связи с кратким историческим очерком сопредельных стран (Персии, Белуджистана, Индии и Восточного Туркестана). Ташкент.
7. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1595.
8. Литвинов В.П. Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и Нового времени). Елец., 2006.
9. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
10. Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.) Елец, 1996.
11. Марков Е. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самарканду, Фергане. СПб., 1901. Т.2.
12. Тагеев Б.Л. Русские над Индией // Майер А.А., Тагеев Б.Л. Полуденные экспедиции. Очерки. М., 1998.
13. Туркестанские епархиальные ведомости. 1907. №3.
14. ЦГА КР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2.
15. Харченко Н.А. Участие русских в становлении библиотечного дела в Кыргызстане // Русские в Кыргызстане. Бишкек, 2009.
16. Дамаскин (Орловский), игумен Антоний // Православная энциклопедия. М., 2000.
17. Бедельбаев А. Деятельность первых культурно-просветительских учреждений Кыргызстана (к. XIX – н. XX в.) // Вестник КРСУ. 2006. Т.6. №10.
18. Туркестанские епархиальные ведомости. 1907. №3.
19. Туркестанские епархиальные ведомости. 1909. №7.
20. РГИА. Ф.796. Оп. 442. Д. 2767.